

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.03

Правильная ссылка на статью:

Кивисто П., Резаев А. В., Жихаревич Д. М. Расовая демократия, гражданство и иммиграция: опыт США в сравнительной перспективе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 29—46.

For citation:

Kivisto P.J., Rezaev A.V., Zhikharevich D.M. Racial democracy, citizenship and immigration: the United States experience in comparative perspective. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1. P. 29—46.

П. Кивисто, А. В. Резаев, Д. М. Жихаревич РАСОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ, ГРАЖДАНСТВО И ИММИГРАЦИЯ: ОПЫТ США В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

РАСОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ, ГРАЖДАНСТВО И ИММИГРАЦИЯ: ОПЫТ США В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

RACIAL DEMOCRACY, CITIZENSHIP AND IMMIGRATION: THE UNITED STATES EXPERIENCE IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

КИВИСТО Питер Джон — Ph.D., профессор социологии колледжа Августаны, Иллинойс, США; заслуженный профессор Университета Турку, Турку, Финляндия; руководитель лаборатории «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-MAIL: peterkivisto@augustana.edu

Peter J. KIVISTO — Ph D., Richard A. Swanson Prof.¹; Honorary Professor²; Co-Director³.

E-MAIL: peterkivisto@augustana.edu

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии, заместитель руководителя лаборатории «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-MAIL: a.rezaev@spbu.ru

Andrey V. REZAEV³ — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Chair, Department of Comparative Sociology; Co-Director
E-MAIL: a.rezaev@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-4245-0769

¹ Social Thought Department of Sociology, Anthropology, and Social Welfare, Augustana College, Illinois, USA

² University of Turku, Turku, Finland

³ Laboratory «Transnationalism and Migration Processes», Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-4245-0769

ЖИХАРЕВИЧ Дмитрий Михайлович — исследователь лаборатории «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-MAIL: dzhikhar@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2518-7858

Dmitrii M. ZHIKHAREVICH — Researcher³

E-MAIL: dzhikhar@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2518-7858

Аннотация. Рассматривается концепция «расовой демократии» (racial democracy) в ее связи с проблемой социального неравенства. Понятие «расовой демократии» первоначально использовалось для описания отличительных черт расовой динамики в странах Латинской Америки от ситуации в США. В наиболее простом определении, «расовая демократия» — положение, при котором существует расовое разнообразие, но отсутствует расово обусловленное социальное неравенство. Цель статьи — проанализировать понятие «расовой демократии» в качестве аналитического инструмента, подходящего для исследования исторических конфигураций расового неравенства и его проявлений в иммиграционной политике. В первой части статьи прослеживается генезис понятия «расовой демократии» и обсуждается связь расового исключения и института гражданства. Представленный во второй части краткий исторический обзор политики расового исключения на примере эволюции иммиграционного законодательства США предваряет обсуждение практики мультикультурализма как способа социального включения. В заключении рассматривается потенциал «расовой демократии» как аналитического поня-

Abstract. The article considers the racial democracy concept in relation to social inequality. The notion of racial democracy initially described the Latin American racial dynamics which distinguished from the U.S.A. Racial democracy can be defined as racial diversity without racial inequality. The article aims at interpreting the racial democracy as an analytic tool that can be helpful in studying historical configurations and its implications in immigration policies. The first part of the article is devoted to the genesis of the notion of racial democracy and discusses the relationship between the racial exclusion and the institution of citizenship. The second part is a historical overview of the racial exclusion policy illustrated by the example of the evolution of the American immigration laws and precedes a discussion of multiculturalism as a social inclusion tool. In the final part, the paper explores the potential of racial democracy as an analytic tool and as an indicator of the levels of social justice.

³ Laboratory «Transnationalism and Migration Processes», Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

тия и как индикатора уровня социальной справедливости.

Ключевые слова: расовая демократия, иммиграция, неравенство, социальное исключение, социальное включение, гражданство, США

Keywords: racial democracy, immigration, inequality, social exclusion, social inclusion, citizenship, USA

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 15-18-00101.

Acknowledgment. The article is financed by the Russian Science Foundation as part of the project no. 15-18-00101.

Введение

По точному замечанию Перри Андерсона, в области культурного производства периферия нередко опережает центр. Так, например, понятие «либерализм» в эпоху наполеоновских войн было не более, чем «экзотическим выражением из Кадиса», которому только предстояло укорениться в странах Европы, а в 1890-е и 1930-е именно Латинская Америка стала родиной «модернизма» и «постмодернизма» как эстетических терминов — в испаноязычном мире эти идеи появились поколением раньше, чем в Англии и Америке [Андерсон, 2011: 11]. Понятие расовой демократии имеет похожую судьбу. Первоначально оно использовалось для обозначения отличительных черт расовой динамики в странах Латинской Америки (в частности, в Бразилии) от ситуации в США. В наиболее простом определении, расовая демократия предполагает расовое разнообразие при отсутствии расово обусловленного неравенства.

Цель статьи — рассмотреть понятие расовой демократии и характеризовать его потенциал в качестве аналитического инструмента для исследования исторических конфигураций расового неравенства и отношений власти, в частности — в области миграции и миграционной политики. Статья находится на пересечении нескольких исследовательских проблематик и развивает положения работ авторов о расовой демократии, социальном включении и мультикультурализме [Кивисто, 2016; Kivisto, Rezaev, 2016], социальном неравенстве и исключении как теоретической проблеме [Резаев, Трегубова, 2015], опыте повседневной жизни мигрантов [Резаев и др., 2014б], дебатах о справедливости в современном мире [Резаев и др., 2014а].

Релевантность расовой проблематики для исследований миграции является исходной предпосылкой дальнейшего изложения. Как выразился Э. Балибар, категория иммиграции нередко используется для замещения понятия расы, хотя и не является простым его эвфемизмом — скорее, речь идет об одном из структурных измерений социального неравенства, присущего капиталистической мир-системе [Балибар, Валлерстайн, 2001: 31]. В отношении России и постсоветского пространства данная проблематика может показаться нерелевантной: исторически, расовые различия здесь не столь актуальны, как проблематика этничности/«национальности», что отражается и в относительном невнимании отечественных исследователей к понятию расы [Резаев, Трегубова, 2016]. Тем не ме-

нее игнорирование расовой перспективы — особенно в отношении исследования социального включения и исключения трудовых мигрантов из стран бывшего СССР на уровне формальных институтов и повседневных практик — представляется неадекватным. В некоторых случаях уместно говорить о «расиализации» тех феноменов, которые раньше были связаны с этнокультурными и этносоциальными различиями (см. [Zakharov, 2013]).

Случай США, страны, где расовые отношения сформировались под влиянием опыта рабства (см.: [Shklar, 1991]), следует рассматривать не в качестве исключительного (в смысле несравнимости), но как предельный случай среди множества других, в которых данная проблематика проявляется не столь остро, а расовое исключение не закрепляется на уровне формальных правил (например, в законах о расовой сегрегации). Вместе с тем та или иная форма расового исключения является функциональной для капиталистической мир-экономики, поскольку позволяет сегментировать рынок труда и делает возможным не-меритократическое оправдание неравенства. Как пишет И. Валлерстайн, «если бы людей с черным цветом кожи вообще не существовало, или они были бы не столь многочисленны для того, чтобы сыграть эту роль, то это не беда — всегда можно изобрести «белых негров»» [Балибар, Валлерстайн, 2001: 45—46], которыми исторически нередко становились иммигранты. В фокусе нашего внимания находится обратный процесс: как иммигранты, ставшие объектами расового исключения, пытались противодействовать ему, представляя себя «белыми» в надежде получить доступ к гражданству и полноценному членству в принимающем сообществе.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В первой части статьи рассматривается генезис понятия «расовой демократии» и обсуждается связь расового и социального исключения и института гражданства. Во второй части статьи представлен исторический обзор политики расового исключения на примере эволюции иммиграционного законодательства США, после чего следует обсуждение практик мультикультурализма как способа социального включения. В заключении рассматривается потенциал «расовой демократии» как аналитического понятия и как индикатора уровня социальной справедливости — в том числе, для сравнительных исследований.

Что такое расовая демократия?

Впервые понятие расовой демократии в качестве объяснительного инструмента использовал антрополог Гильберто Фрейре в исследованиях расовых отношений в Бразилии [Freyre, 1963a; 1963b; 1970]. Стремясь зафиксировать их специфику в отличие от ситуации США, Фрейре создал идиллическую картину прошлого Бразилии, в котором белые господа находились в близких и вполне гармоничных отношениях с огромным населением рабов. С точки зрения Фрейре, англо-американский расизм был практически невозможен в бразильском контексте, для которого характерна расовая взаимозависимость, большое количество межрасовых браков и значительно меньшее количество институциональных барьеров для получения свободы по сравнению с США.

Критики подхода Фрейре возложили на него ответственность за создание мифа о национальных истоках, делающего непроблематичными господство белых и прин-

ципы расовой иерархии, отбрасывая их в прошлое и заменяя своего рода новым расовым национализмом, оправдывающим и прославляющим смешение рас и гибридизацию [Winant, 2001: 226—228]. С этой точки зрения, *расовая демократия* — не что иное, как разновидность «плавильного котла» ассимиляции, основанная на креолизации населения [Degler, 1986; Hoetink, 1971; Pierson, 1942]. Несмотря на критику, идея расовой демократии укоренилась не только в Бразилии, но и в других странах Латинской Америки и Карибского бассейна со сходными колониальными историями, причем как в научной, так и в популярной форме. Распространение этой концепции привело к возникновению феномена «иберийской исключительности» (Iberian exceptionalism) — объяснения расового эгалитаризма стран испанской Америки уникальными особенностями испанской культуры и истории. Так, утверждается, что, во-первых, культуре Испании и Португалии свойственна большая расовая терпимость, так как после завоевания Пиренейского полуострова арабами в VIII в. страны находились под властью мавров, а также в силу того, что колонизаторы-католики, в отличие от протестантов, были готовы признать существование души у представителей других рас. Во-вторых, демографическая реальность колоний, где небольшое число одиноких мужчин-колонизаторов вступали в эмоциональное и сексуальное общение с местными женщинами, предопределила последующий расовый эгалитаризм бывших испанских колоний [Peña, Sidanius, Sawyer, 2004].

Сторонники критической теории расы выдвинули аргумент, что Бразилия и подобные страны не могут быть адекватно описаны как расовые демократии, так как само это понятие является не более чем мифом, причем пагубным и опасным [Guimarães, 2001; Hanchard, 1994; Twine, 1998; Warren, 2002; Winant, 1999, 2001]. Часть критиков фокусируется на историческом вопросе о прошлом расовых отношений Португалии и Испании, ставя под сомнение его сравнительно «безобидный» характер. В реальности, как показывают критические исследователи расы, все колонизаторы — и католики, и протестанты — опирались на жестокость и насилие, и нет оснований полагать, что выходцы с Пиренейского полуострова были менее жестокими. Другое направление критики привлекает внимание к тому, что сегодня ситуация в странах, бывших колониями Испании и Португалии, далека от идеала расовой демократии: темнокожие граждане этих стран подавлены и маргинализированы, они дискриминируются экономически и политически, не имея доступа к центрам принятия решений. Наконец, идея расовой демократии подвергается критике и в той мере, в какой она препятствует развитию социальных движений, выступая в роли компенсаторного мифа. Согласно критическим исследователям расы, этот миф оказался весьма успешным средством для отрицания «и отличий черных, и неравенства черных» («both black difference and black inequality») [Winant, 2001: 228]. Иными словами, расовая демократия стала разновидностью идеологической цензуры, замалчивающей проблемы расового неравенства во имя национального единства, результатом чего явилась приостановка антирасистской борьбы [Twine, 1998; Hanchard, 1994].

Большая часть этой критики соответствует действительности, поскольку, согласно эмпирическим исследованиям, в ряде стран Латинской Америки «цвет кожи является центральной осью социальной стратификации» [Telles, 2014: 3]. Реальность расового неравенства все шире признается в Бразилии и других странах региона. Результатом этой тенденции стал поворот к мультикультурализму: как

отмечает Теллес, «сегодня в большинстве стран Латинской Америки конституционно декларируется мультикультурализм» [Telles, 2014: 2]. В той степени, в какой это соответствует действительности, возникает возможность пересмотра понятия расовой демократии. Бейли недавно отметил, что среди ученых формируется консенсус о том, что ранние критики расовой демократии склонны преувеличивать ее недостатки [Bailey, 2004]. Так, Фрай и Шерифф попытались показать, что в бразильском обществе расовая демократия работает не столько как идеология, сколько как идеал, с помощью которого можно измерять и оценивать расовое неравенство [Fry, 2000; Sheriff, 2001]. Исследования Бейли подтверждают эту точку зрения на эмпирическом материале — бразильцы не разделяют идеологию элит о расовом демократическом рае, но, напротив, хорошо осведомлены о существовании расового неравенства и расизма. Для них расовая демократия служит в качестве основы для контргегемонной критики расовой формации. Эта перспектива представляет собой то, что можно рассматривать как «расовый здравый смысл» большинства бразильцев [Bailey, 2004: 729]. Они выдвигают претензии по отношению к тому, что воспринимают как реальность неравенства, значительная часть которого имеет расовый контекст [Guidry, 2003].

В этом отношении расовая демократия становится полезным инструментом в арсенале исследователей расы и этничности. И может послужить для оценки того, достаточно ли эгалитарным является то или иное этнически гетерогенное общество, чтобы рассматриваться в качестве подлинной демократии. И если задача разработки технического инструментария относится к ведению социологии, то разработка аргументов о том, что такое справедливое и эгалитарное демократическое общество — проблема политической философии.

Институт гражданства и социальное включение

Для любой дискуссии о демократии центральным вопросом является гражданство, поскольку именно в качестве граждан люди становятся членами политического сообщества и субъектами специфических прав и обязанностей. Как граждане, они также получают возможность отстаивать свои права и предъявлять притязания к политической системе. Таким образом, институт гражданства находится на пересечении двух проблемных полей. Первая проблематика касается социального включения и исключения — вопроса о том, какие индивиды или группы являются членами политического сообщества, а кто исключается из рядов граждан. Вторая совокупность проблем связана с организацией, условиями и способами включения и исключения. Несмотря на то, что две эти темы пересекаются, вплоть до 1970-х гг. первая привлекала значительно больше исследовательского и публичного внимания, чем вторая, выдвинувшаяся на передний план благодаря дискуссиям о мультикультурализме [Kivist, 2005]. Далее мы рассмотрим взаимосвязь проблематики социального включения и гражданства.

Современный институт гражданства появился в результате Великой Французской революции 1789 г., став, по выражению Р. Брубакера, ее «изобретением» [Brubaker, 1992: 35]. Вместе с тем формирование института гражданства во многом опиралось на европейскую политико-философскую традицию и переосмысление античного наследия, отдельные элементы которого — касающиеся понимания гражданства

в греческих полисах и Римской империи — были заимствованы демократическими культурами стран Западной Европы и Северной Америки. С политической точки зрения, современное понимание гражданства подразумевало отказ от автократической модели подданства, характерной для феодальной эпохи, в пользу модели гражданства, в которой гражданин выступает в качестве активного участника процесса принятия политических решений. Институциональными опорами здесь были формальное определение состава граждан, установление гражданского равенства (независимого от распределения богатства), общие права и обязанности, институционализация политических прав, а также правовая рационализация и идеологическая артикуляция различия между гражданами и не гражданами (в этом отношении, как подчеркивает Р. Брубакер, гражданство является примером закрытого социального отношения, см. [Brubaker, 1992: 21]). Наконец, следует отдельно отметить процессы формирования доктрины национального суверенитета и переход к прямым, не опосредованным отношениям между гражданином и государством [Brubaker, 1992: 35; Zolberg, 1994]. В той мере, в какой современные государства являются разновидностями организаций, основанных на модели членства (*membership organizations*), установление прямых отношений между гражданином и государством также способствовало увеличению прозрачности и подотчетности государства по отношению к гражданам (см.: [Папакостас, 2016: 107—132, 152—165]). Независимо от специфических национальных траекторий институционализации гражданства, гражданин рассматривался как независимый и свободный субъект самоуправления [Kivisto, Faist, 2007]. Квентин Скиннер описывает самоуправление (*self-rule*) как систему, в которой «исключительная власть принимать законы остается у народа или у его представителей, и в которой индивидуальные члены политического тела (как правители, так и граждане) остаются в равной степени подчинены тем законам, которые им будет угодно на себя наложить» [Скиннер, 2006: 67—68]. Как отмечают другие исследователи, само слово «гражданин» является «уравняющим термином» (*equalizing word*), поскольку содержит коннотации равенства и активной деятельности, восходящие к аристотелевскому определению гражданина — того, кто «управляет и сам является управляемым» [Kerber, 1997: 34].

В качестве специфической социальной роли, гражданство стало основным способом принадлежности к нации, который по умолчанию предполагается современными концепциями национального государства. По той же причине различие граждан и не граждан служит символом идентичности, имеющим важные социальные последствия: оно отделяет тех индивидов, которые могут принимать участие в процессе самоуправления от тех, кто не имеет права на участие. Концепция полного членства (*full membership*) в данном контексте имеет важное значение, поскольку позволяет анализировать как ситуации, в которых существуют четкие критерии отделения граждан от чужаков, так и более сложные случаи, например, случай натурализованных иностранцев (*denizens*). Идея полного членства предполагает различия в степени включения граждан в политическое сообщество и связана с ключевыми характеристиками демократического политического процесса: (1) правом на участие в публичной сфере, (2) ограничением власти правительства над индивидом, (3) верховенством права. Вторая и третья характеристики относятся к институциональной рамке, в которой равные инди-

виды участвуют в демократическом процессе. Индивиды, которые не обладают полным членством в сообществе, суть перманентные резиденты, не имеющие права участия в политическом процессе на равных с полноценными гражданами. Они обладают формальным, но не содержательным гражданством, поскольку не имеют электоральных прав, не могут участвовать в определении политики или быть избранными в рамках избирательной кампании. Хотя с точки зрения идентичности они могут и не быть чужаками, с не гражданами их объединяет отсутствие фундаментальных прав, которыми обладают индивиды, полностью включенные в общество [Marshall, 1964].

Раса как измерение социального исключения

Исторически, основанием для социального включения/исключения служили три базовых характеристики — класс, гендер и раса. Все три по сей день продолжают играть фундаментальную роль в системах социального неравенства, в рамках которых они нередко накладываются друг на друга. В исторической перспективе, раса, гендер и класс стали серьезными барьерами на пути реализации универсальных ценностей эпохи Просвещения.

В период формирования молодых демократических государств Европы и Северной Америки политика исключения большинства населения путем их дисквалификации в качестве субъектов гражданских прав находилась в интересах привилегированных белых граждан мужского пола, обладающих собственностью. Столкнувшись с противоречием между эгалитарными идеалами демократической теории и желанием исключить определенные категории лиц иной расовой, классовой или гендерной идентичности из полноценного членства в социальном сообществе, привилегированные слои создали ряд идеологических оправданий политики исключения [Parkin, 1979: 44—73]. Со своей стороны, представители рабочего класса, женщины и не-белые отвечали — не всегда успешно и часто в сложных условиях — созданием социальных движений, нацеленных на приобретение политического голоса, которого их лишили.

Роль расы и этничности в политике исключения можно проиллюстрировать на примере попыток социального конструирования национально-специфических определений гражданства в течение XVIII и XIX вв. Хотя статус гражданства имел универсальный характер для всех, кто им обладал, будучи «внутренне инклюзивным и внешне эксклюзивным» [Brubaker, 1992: 21], тенденцией было отказываться в членстве определенным категориям не столько на основании моральных недостатков или дефектов характера (преступники и безумцы), сколько на основании расы и гендера. Таким образом, универсальный гражданин неизбежно оставался ограниченной идентичностью в той мере, в какой она была доступна лишь белым мужчинам.

Как отмечал Гленн [Glenn, 2002: 21], аргументация в пользу конструирования этой границы в значительной степени опиралась на дихотомии публичного и приватного, зависимого и независимого. И та, и другая сыграли важную роль в исключении женщин из рядов граждан. В случае расы, дихотомия публичного/приватного менее важна, тогда как противопоставление зависимости/независимости сыграло решающую роль. Так, например, в Германии, где национальная идентичность строилась на основании концепции *jus sanguinis*, политика исклю-

чения базировалась на расистском представлении о том, что иные этнические группы не обладали способностью к независимому мышлению и действию, необходимой ответственным гражданам: будучи полезными в качестве рабочих, они считались неспособными к участию в коллективном самоуправлении. Эта концепция играла важную роль в истории Германии с момента основания современного государства в 1871 г. вплоть до принятия нового закона о гражданстве в 1999 г., завершившего одну из наиболее исключаящих политик гражданства в Европе [Kivisto, 2002: 169]. По существу, предыдущий закон не позволял тем, кто приезжал в Германию из-за недостатка рабочей силы, становится гражданами, были они славянами, работавшими в сельском хозяйстве на востоке Германии сто лет назад, турками или югославами, занятыми сегодня в сложных и опасных видах труда. Германия, конечно, была не единственной среди этнонациональных гражданских режимов, но она служит парадигматическим примером этого типа.

Сопротивление инклюзивной политике можно обнаружить и в других обществах, которые определяли национализм в гражданских, а не в этнических терминах. Например, республиканские идеалы во Франции должны были сделать страну открытой к принятию различных народов, при условии, что они разделяли идеалы республики, на практике гражданский национализм Франции был далек от универсализма и готовности принять «расового другого»¹ [Brubaker, 1992; Alba, Foner, 2015; Бурдьё, 2016: 630—640]. К аналогичной политике исключения прибегали и общества поселенцев. Австралия, будучи частью Британской Империи, поначалу рассматривала в качестве своих потенциальных граждан исключительно британских подданных. Эта политика трансформировалась в политику предоставления гражданства только белым, которая действовала до 1960-х гг., после чего страна перешла к более инклюзивному определению того, кто достоин стать гражданином. С тех пор битва тех, кто выступает за открытое общество, против тех, кто продвигает ограниченную версию национальной идентичности, разыгрывается в поле иммиграционной политики [Kivisto, 2002: 109—112; Kivisto, 2016]. В конечном счете, недостаток трудовых ресурсов стал достаточно острым, чтобы экономические соображения перевесили аргументы культурных консерваторов. Одновременно с изменениями в политике натурализации в отношении иммигрантов произошли изменения статуса аборигенов, которые долгое время были исключены из полноценного гражданства и рассматривались как находящиеся на попечении у государства. Лишь после принятия Закона о национальности и гражданстве в 1948 г. все аборигены были определены в качестве граждан, а после референдума 1967 г. — получили право голоса на федеральных выборах.

Можно видеть, что расовое исключение оказало заметное влияние на формирование и функционирование различных режимов гражданства. Однако нигде оно не было столь значительным, как в США, поэтому рассмотрим этот случай более подробно.

¹ По мнению П. Бурдьё, «на практике французы и немцы относятся к иммигрантам примерно одинаково, то есть одинаково плохо, но в теории они относятся к ним по-разному» [Бурдьё, 2016], а источником теоретических различий являются разные традиции философии государства: универсалистская трактовка, восходящая к французскому рационализму и понятию цивилизации, и этнокультурная трактовка, возникшая в немецком романтизме и противопоставившая универсализму цивилизации уникальность культуры (Kultur) (о противопоставлении культуры и цивилизации в современных исследованиях доверия и публичной сферы см.: [Резаев, Жихаревич, 2016: 9—10]).

Расовое исключение в иммиграционной политике США: исторический обзор

Опыт рабства больше всего повлиял на то, как американцы мыслят о расе и расовом исключении; он также оказал существенное воздействие на формирование миграционной политики страны [Shklar, 1991]. И хотя, как заметила Джудит Шкляр, эффекты и дефекты законов об иммиграции и натурализации меркнут перед лицом истории рабства и его воздействия на установки американцев [Shklar, 1991: 14], именно расовое исключение черных из рядов граждан задало систему координат для других расово отличных групп, претендовавших на получение гражданства. Однако поскольку, кроме американских индейцев, получивших гражданство в 1924 г., когда был принят Закон о гражданстве индейцев (Indian Citizenship Act), большинство из них были иммигрантами, то точкой приложения политики расового исключения и ареной борьбы против него стало законодательство об иммиграции и натурализации. В действительности, современное выражение «people of color» можно с известной долей иронии приложить и к иммигрантам конца XIX — начала XX веков, чьи потомки со временем «стали белыми» [Roediger, 1991, 2005].

Основной движущей силой миграции являются экономические процессы, и США не являются исключением: на рубеже XIX и XX вв. спрос на рынке труда не мог быть удовлетворен за счет местного населения. В то же время возникло интенсивное сопротивление притоку определенных групп людей, участники которого — «нативисты» — выступали против того, чтобы предоставить временным рабочим гражданство. В этом отношении США не отличается от других стран, принимающих мигрантов в Северной и Южной Америке: осуществление расистской политики опирается на заинтересованность в «сортировке масс» [Fitzgerald, Cook-Martín, 2014; Zolberg, 2006].

Как отмечают исследователи, исторически политика в отношении иммиграции и натурализации складывалась под влиянием действий четырех коллективных акторов [Tichenor, 2002]. С одной стороны, представители бизнеса, заинтересованные в пополнении рынка труда, и сторонники культурного космополитизма, поддерживающие либеральное иммиграционное законодательство. С другой стороны, содействие законам, направленным на сдерживание миграции, оказывали рабочие организации, воспринимавшие прибытие зарубежных рабочих как угрозу своим рабочим местам и заработной плате, а также культурные консерваторы. Коалиции между естественными союзниками по вопросам иммиграции осложнялись тем, что представители бизнеса и культурные консерваторы обычно были связаны с Республиканской партией, тогда как рабочие и культурные космополиты были приверженцами Демократов. Таким образом, построение эффективных коалиций требовало межпартийных альянсов. Эта ситуация определяла контуры иммиграционной политики в США с конца XIX в. и на протяжении следующих столет, пока профсоюзы и рабочие организации (хотя и не всегда организации простых рабочих) не изменили свою позицию по вопросам иммиграции, поддержав новых иммигрантов, в лице которых они увидели потенциальный фактор роста профсоюзных организаций.

В отношении иммиграционного контроля первыми исключены были иммигранты из Азии. Так, по Закону об исключении 1882 г. (Chinese Exclusion Act of 1882), первой группой, которой было отказано во въезде в США стали китай-

цы. Джентльменское соглашение 1907 г. (The Gentleman's Agreement of 1907) установило строгий контроль за количеством японцев, которые могли въезжать в страну. Однако все это было лишь началом куда более агрессивной кампании по ограничению иммиграции, возникшей именно в тот период, когда масштабы иммиграции стали беспрецедентными.

После того как исключению подверглись иммигранты из Азии, внимание стали привлекать широкие группы новых иммигрантов из Южной и Восточной Европы. На рубеже веков было принято множество мелких законов, ограничивающих иммиграцию, что свидетельствует о том, что нативисты боялись новоприбывших по целому ряду причин. Иммигранты рассматривались как угроза культуре, как сторонники политического радикализма, как морально и интеллектуально ущербные, склонные к пауперизму и носители болезней [Daniels, 2004: 27—58; Zolberg, 2006]. Кульминацией сопротивления массовой иммиграции стало принятие Закона о национальных истоках в 1924 г. (National Origins Act), который установил квоту на уровне 2% от количества представителей той или иной нации по переписи 1890 г. Закон намеренно предоставлял преимущество выходцам из Западной и Северной Европы за счет других групп. Результатом стало фактическое прекращение массовой миграции в США на следующие сорок лет.

Законы о натурализации отсылали к расовому разделению. Один из первых — Закон о натурализации 1790 г., ограничивал право на получение гражданства путем натурализации «свободными белыми людьми» [Glenn, 2002: 24]. В период Гражданской Войны и принятия 14 Поправки, это определение было изменено, чтобы включить свободных цветных, «людей африканского происхождения». Впоследствии китайцы и японцы были лишены права стать гражданами [Luman, 1993: 380]. В случае китайцев это продолжалось с 1882 по 1943 гг., когда тяготы войны побудили правительство разрешить своим китайским союзникам проходить процедуру натурализации в США. В случае японцев пришлось ждать дольше — до 1952 г.

В рамках подхода, при котором белые и черные имели право натурализоваться, в то время как группы из Азии были его лишены, члены многих групп обнаружили себя в двусмысленной ситуации. Китайские и японские иммигранты воспользовались ситуацией, чтобы добиться получения гражданства через суд. В 1878 г. китайский иммигрант Ах Юп (Ah Yup), который в судебном отчете был назван «представителем монгольской расы», подал прошение о предоставлении гражданства, которое было отклонено. Суд обосновал свое решение тем, что ни «в повседневном языке, ни в научной номенклатуре, ни в литературе мы, как правило, не сталкиваемся со столь широкой трактовкой понятия «белый человек», которое позволяло бы включить [в это определение] представителя монгольской расы» (цит. по: [Luman, 1991: 204]). В 1922 г. в Верховном суде слушалось дело, в рамках которого японский иммигрант Такао Озава заявил, что, согласно антропологическим данным, японцы являются европеоидами и потому должны иметь возможность получения гражданства. Его аргумент был отклонен [Luman, 1991: 206—208].

Эти события заставили другие группы искать подтверждения принадлежности к белой расе, чтобы стать гражданами США — «белой республики» [Saxton, 1990]. Так, согласно Лиману [Luman, 1991], среди групп, признанных не имеющими пра-

ва получить гражданства, были бирманцы, корейцы, гавайцы, арабы и выходцы из Восточной Индии, тогда как другие, например, армяне и сирийцы, признавались белыми и, следовательно, имели возможность стать натурализованными гражданами. Раса в том виде, в каком она рассматривалась в некоторых из этих эпизодов, связывалась с религией (так, например, обозначение кого-либо как «индуса» несло как расовые, так и религиозные коннотации) и политикой. Так, шестнадцати финским иммигрантам в Северной Миннесоте было отказано в получении документов, подтверждающих гражданство, на основании их монгольского происхождения. Это произошло в 1908 г., сразу после драматичной забастовки шахтеров, работавших на железных рудниках Месаби. Финны, которым отказали в гражданстве, были участниками Финской социалистической федерации, и их приверженность тому, что в судебных документах описывалось как «восточноазиатская философия», рассматривалась как аргумент, подтверждающий связь их политической неблагонадежности и расового происхождения. Даже на тот момент подобная интерпретация была сомнительной с учетом растущей убежденности, что иммигранты из Европы являются белыми. Дело финских шахтеров вскоре было решено в их пользу: районный судья пришел к выводу, что, хотя древние финны действительно были монголами, тем не менее они в достаточной степени смешались с тевтонскими народами, чтобы их можно было считать белыми [Kivisto, Leinonen, 2011].

На протяжении двадцатого века научный расизм постепенно утрачивал влияние, и Вторая мировая война стала в этом процессе переломным моментом. Опыт национал-социализма разрушил репутацию бывшего некогда уважаемого интеллектуального движения. Однако это не означало, что расизм просто исчез — он сохранился, хотя и в новых обличьях. Так, Закон об иммиграции и натурализации 1952 г. не только утвердил национальную систему квот 1924 г., введенную Законом о национальных истоках, но и добавил новые причины для исключения, основанные на политической идеологии и сексуальной ориентации. Система Джима Кроу², несмотря на ряд вызовов, продолжала существовать. Чтобы окончательно демонтировать эту расовую формацию потребовались усилия движений за гражданские права 1950-х и 1960-х гг. [Omi, Winant, 1986].

Несмотря на очевидный прогресс в преодолении наследия рабства и расового исключения, неравенства продолжают пересекаться в новых комбинациях и формах, отчасти как результат успехов социальных движений 1960-х гг., сделавших возможным расширение черного среднего класса за пределами сегрегированного сообщества черных. В то же время бедные и «по-настоящему неблагополучные» [Wilson, 1987] слои чернокожего населения остались в этих сегрегированных сообществах. Таким образом, одна часть черной Америки получила возможность накопления различных форм капитала — финансового, социального и человеческого и полноценное гражданское участие, но другая оставалась маргинализованной, что усилило расовую поляризацию страны [Alexander, Jaworsky, 2014].

В области иммиграционной политики наиболее значительным достижением борьбы за гражданские права был закон Харта-Целлера (1965), изменивший

² Неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890—1964 гг.

систему национальных квот, действовавшую с 1924 г. Закон сделал страну более открытой, и сегодня США находятся на пике иммиграционной волны, которая оказывает на американское общество столь же фундаментальное влияние, как и предыдущая. В отношении этнического состава населения, последствия нынешней волны миграции — в заметном росте долей выходцев из Латинской Америки и Азии. Как показала перепись 2010 г., латиноамериканцы составляли 16 % населения, будучи наиболее крупным расовым меньшинством. Население страны на данный момент более разнообразно в этническом, религиозном и языковом отношении, чем было в 1965 г. Взаимосвязь этнического и расового разнообразия и неравенства возвращает нас к проблеме расовой демократии.

Заключение

Как могла бы выглядеть расовая демократия? Пожалуй, ответом на этот вопрос является следующее: расовая демократия могла бы представлять собой такое общество, где расовые различия на уровне идентичности не были бы связаны с расово специфическими видами неравенства. Другими словами, в таком обществе сочетались бы расовые различия и расовое равенство.

Статус гражданина влечет за собой определенные издержки. Полное гражданство требует инвестиций в ресурсы: финансовый, человеческий и социальный, а те, у кого их нет, чтобы войти в публичную сферу на равных с другими, обнаруживают себя маргинализированными и неспособными включиться в процесс самоуправления (self-rule). Как показывает наш обзор, несмотря на прогрессивный вектор развития США в сторону инклюзивного общества, наследие практик и институтов исключения и подавления, а также структур долговременного неравенства продолжают оказывать негативное влияние [Feagin, Vera, 1995].

Ценность идеи расовой демократии заключается в том, что она может выступать в качестве идеального типа, будучи инструментом оценки того, в какой степени преодолены расовые барьеры к равному гражданству (equal citizenship), а также политической целью. Расовая демократия — это конструктивное противоядие против «расизма без расистов» [Bonilla-Silva, 2003] — ситуации, когда игнорируются расовые неравенства и их эффекты — нередко с помощью объяснений их генезиса, игнорирующих расовый фактор как таковой. Такого рода идеи были особенно популярны среди политических консерваторов и отдельных сегментов либерального сообщества США после окончания движения за гражданские права. Идея расовой демократии может функционировать как конкретное понятие, с помощью которого можно оценить состояние демократии в той или иной стране. Наличие групп, исторически лишенных гражданских или избирательных прав или, в наши дни, сталкивающихся с проблемами, которые игнорируются политиками и общественностью, может стать индикатором состояния публичной сферы [Guinier, Torres, 2002]. Одним из достоинств данного подхода является то, что он способен предоставить рамку для сравнительного анализа, позволяющую увязать политику идентичности и политику перераспределения — в той мере, в какой расовое исключение обуславливает другие неравенства — и оценить дистанцию до справедливого, мультикультурного и эгалитарного социального порядка.

Список литературы (References)

Андерсон П. Истоки постмодерна / под ред. М. Маяцкого ; пер. с англ. А. Апполонова. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. [Anderson P. (2011) The origins of postmodernity. Ed. by M. Mayatsky; transl. by A. Appolonov. Moscow: Izdatelskii dom «Territoriya budushchego». (In Russ.).]

Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М. : Logos altera, 2004. [Balibar E., Wallerstein I. (2004) Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. Moscow: Logos altera. (In Russ.).]

Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер ; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой ; предисл. А. Бикбова. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. [Bourdieu P. (2016) Sur l'Etat. Cours au Collège de France (ed. by P. Champagne et al.). Moscow, Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. (In Russ.).]

Кивисто П. Теперь мы все действительно мультикультуралисты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2. С. 19—45. [Kivisto P. We really are all multiculturalists now. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*. Vol. XIX. No.2. P. 19—45. (In Russ.).]

Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы : Недоверие, доверие и коррупция / под ред. А. Резаева ; пер. с англ. Д. Жихаревича. М. : ВЦИОМ, 2016. [Papakostas A. (2016) Civilizing the Public Sphere: Distrust, Trust and Corruption. Ed. by A. Rezaev; transl by D. Zhikharevich. Moscow: VTsIOM. (In Russ.).]

Резаев А. В., Жихаревич Д. М. В поисках доверия: сравнительно-историческая социология публичной сферы Апостолиса Папакостаса // Становление цивилизованной публичной сферы : Недоверие, доверие и коррупция / А. Папакостас ; под ред. А. Резаева ; пер. с англ. Д. Жихаревича. М. : ВЦИОМ, 2016. С. 7—18. [Rezaev A. V., Zhikharevich D. M. (2016) V poiskakh doveriya: sravnitel'no-istoricheskaya sotsiologiya publichnoi sfery Apostolisa Papakostasasa [In Search of Trust: Apostolis Papakostas'. Comparative-Historical Sociology of Public Sphere]. In: *Papakostas A. (2016) Civilizing the Public Sphere: Distrust, Trust and Corruption*. Ed. by A. Rezaev, transl. by D. Zhikharevich. Moscow: VTsIOM. P. 7—18. (In Russ.).]

Резаев А. В., Жихаревич Д. М., Трегубова Н. Д. Либерализм против утилитаризма: Джон Ролз и проблема «особенности индивидов» в социальной теории // Известия высших учебных заведений. 2014а. № 1. С. 31—36. [Rezaev A. V., Zhikharevich D. M., Tregubova N. D. (2014a) Liberalism vs. utilitarianism: John Rawls and the «Problem of Personality Peculiarity» in social theory. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii [Bulletin of Higher Educational Institutions]*. No. 1. P. 31—36. (In Russ.).]

Резаев А. В., Лисицын П. П., Степанов А. М. Частичное сопричастие как элемент поддержания коллективного недовольства // Вестник СПбГУ. 2014б. Сер. 12. № 2. С. 186—195. [Rezaev A. V., Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. (2014b) A partial communion as an element of collective discontent. *Vestnik SPbGU [The Bulletin of St. Petersburg State University]*. Ser. 12. No. 2. P. 186—195. (In Russ.).]

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Неравенство и социальное исключение в повседневном общении: теоретические основания и следствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 181—194. [Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2015) Inequality and social exclusion in everyday life interaction practices: theoretical foundations and policy. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki [The Journal of Social Policy Studies]*. Vol. 13. No. 2. P. 181—194. (In Russ.)].

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Исследования этносоциальных конфликтов в отечественной социологии (по материалам контент-анализа журнальных публикаций) // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 75—85. [Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2016) Studies of Ethno-Social Conflicts in Current Sociological Production: Content Analysis of Russian Sociological Journals. *Sociologicheskie Issledovaniya [Sociological Research]*. No. 10. P. 75—85. (In Russ.)].

Скиннер К. Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магуна ; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. [Skinner Q. (2006) *Liberty before Liberalism*. Ed. by O. V. Kharkhordin; transl by A. V. Magun. St Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge. (In Russ.)].

Alba R., Foner N. (2015) *Strangers No More: Immigration and the Challenges of Integration in North America and Western Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Alexander J. C., Jaworsky B. N. (2014) *Obama Power*. Cambridge: Polity Press.

Bailey S. (2004) Group Dominance and the Myth of Racial Democracy: Antiracism Attitudes in Brazil. *American Sociological Review*. 69 (5). P. 728—747.

Bonilla-Silva E. (2003) *Racism Without Racists: Color-Blind Racism and the Persistence of Racial Inequality in the United States*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.

Brubaker R. (1992) *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Daniels R. (2004) *Guarding the Golden Gate: American Immigration Policy and Immigrants since 1882*. New York: Hill and Wang.

Degler C. (1986) *Neither Black nor White: Slavery and Race Relations in Brazil and the United States*. Madison: University of Wisconsin Press.

Feagin J. R., Vera H. (1995) *White Racism: The Basics*. New York: Routledge.

Fitzgerald D. S., Cook-Martín D. (2014) *Culling the Masses: The Democratic Origins of Racist Immigration Policies in the Americas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Freyre G. (1963a) [1933]. *The Masters and the Slaves*. New York: Alfred A. Knopf.

Freyre G. (1963b) [1936]. *The Mansions and the Shanties*. New York: Alfred A. Knopf.

Freyre G. (1970) [1959]. *Order and Progress*. New York: Alfred A. Knopf.

- Fry P. (2000) Politics, Nationality, and the Meanings of 'Race' in Brazil. *Daedalus*. No. 129. P. 83—118.
- Glenn E. N. (2002) *Unequal Freedom: How Race and Gender Shaped American Citizenship and Labor*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Guidry J. (2003) *Being Equal in an Unequal World: Citizenship, Common Sense, and Social Movements in Brazil*. Unpublished manuscript.
- Guinarães A. S. (2001) The Misadventures of Nonracialism in Brazil. In: C. Hamilton, L. Huntley, N. Alexander, A. Guinarães, W. James (eds.), *Beyond Racism: Race and Inequality in Brazil, South Africa, and the United States*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. P. 157—185.
- Guinier L., Torres G. (2002) *The Miner's Canary: Enlisting Race, Resisting Power, Transforming Democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hanchard M. G. (1994) *Orpheus and Power: The Movimento Negro of Rio de Janeiro and Sao Paulo, Brazil, 1945—1988*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hoetink H. (1971) *Caribbean Race Relations: A Study of Two Variants*. New York: Oxford University Press.
- Kerber L. K. (1997) The Meanings of Citizenship. *The Journal of American History*. 4 (3). P. 833—854.
- Kivisto P. (2002) *Multiculturalism in a Global Society*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Kivisto P. (Ed.) (2005) *Incorporating Diversity: Rethinking Assimilation in a Multicultural Age*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
- Kivisto P., Faist Th. (2007) *Citizenship: Discourse, Theory, and Transnational Prospects*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Kivisto P., Leinonen J. (2011) Representing Race: Ongoing Uncertainties about Finnish American Racial Identity. *Journal of American Ethnic History*. 31 (1). P. 11—33.
- Kivisto P., Rezaev A. V. (2016) Racial Democracy, Multiculturalism, and Inequality. In: *Handbook of Racial and Ethnic Relations / 2-nd ed.* Ed. by Batur P., Feagin J. R. New York: Springer, forthcoming.
- Kivisto P. (Ed.) (2016) *National Identity in an Age of Migration: The US Experience*. London: Routledge.
- Lyman S. M. (1991) The Race Question and Liberalism: Casuistries in American Constitutional Law. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 5 (2). P. 183—247.
- Lyman S. M. (1993) Marginalizing the Self: A Study of Citizenship, Color, and Ethnoracial Identity in American Society. *Symbolic Interaction*. 16 (4). P. 379—393.
- Marshall T. H. (1964) *Class, Citizenship, and Social Development*. Garden City, New York: Doubleday.

Omi M., Winant H. (1986) Racial Formation in the United States: From the 1960s to the 1980s. New York: Routledge and Kegan Paul.

Parkin F. (1979) Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique. New York: Columbia University Press.

Peña Y., Sidanius Jim., Sawyer M. (2004) Racial Democracy in the Americas: A Latin and U. S. Comparison. Journal of Cross-Cultural Psychology. 35 (6). P. 749—762.

Pierson D. (1942) Negroes in Brazil: A Study of Race Contact in Bahia. Chicago: University of Chicago Press.

Roediger D. (1991) The Wages of Whiteness: Race and the Making of the American Working Class. London: Verso.

Roediger D. (2005) Working Toward Whiteness: How America's Immigrants Became White, The Strange Journey from Ellis Island to the Suburbs. New York: Basic Books.

Saxton A. (1990) The Rise and Fall of the White Republic: Class, Politics, and Culture in the Nineteenth-Century America. London: Verso.

Sheriff R. (2001) Dreaming Equality: Color, Race, and Racism in Urban Brazil. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Skhlar J. N. (1991) American Citizenship: The Quest for Inclusion. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Telles Ed. (2014) Pigmentocracies: Ethnicity, Race, and Color in Latin America. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.

Tichenor D. J. (2002) Dividing Lines: The Politics of Immigration Control in America. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Twine F. W. (1998) Racism in a Racial Democracy: The Maintenance of White Supremacy in Brazil. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Warren J. (2002) Racial Revolutions: Antiracism and Indian Resurgence in Brazil. Durham, NC: Duke University Press.

Wilson W. J. (2000) «Jobless Ghettos: The Social Implications of the Disappearance of Work in Segregated Neighborhoods.» In: Ray Marshall (ed.), Back to Shared Prosperity: The Growing Inequality of Wealth and Income in America. Armonk, New York: M. E. Sharpe. P. 85—94.

Winant H. (1999) Racial Democracy and Racial Identity: Comparing the United States and Brazil. In: Michael Hanchard (ed.), Racial Politics in Contemporary Brazil. Durham, NC: Duke University Press. P. 98—115.

Winant H. (2001) The World is a Ghetto: Race and Democracy Since World War II. New York: Basic Books.

Zakharov N. (2013) Attaining Whiteness. A Sociological Study of Race and Racialization in Russia. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.

Zolberg A. R. (1994) Changing Sovereignty Games and International Migration, *Indiana Journal of Global Legal Studies*: Vol. 2: Iss. 1. Article 10. URL: <http://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol2/iss1/10/> (accessed 01.02.2017).

Zolberg A. R. (2006) *A Nation by Design: Immigration Policy in the Fashioning of America*. Cambridge, MA and New York: Harvard University and Russell Sage Foundation.